

Когда они навели порядок после завтрака, все еще было раннее утро.

Цю Хэнянь пошел приводить в порядок двор, а Цин Янь взялся за стирку одежды, которую они оба сменили вчера. Когда работа во дворе была закончена, он уже закончил стирку. Цю Хэнянь помог ему отжать большие вещи, а затем направился во двор, чтобы снять с веревки высохшую одежду и развесить свежестыранное белье.

Утро было прохладным, и руки у Цин Яня замерзли до боли, когда он прикасался к мокрой ткани. Цю Хэнянь не позволил ему продолжать, велел вернуться в дом и согреться.

Цин Янь принес вчерашнюю одежду обратно в дом. Вещи, оставленные на морозе, превратились в «ледяные скульптуры» — жесткие и промерзшие. Их пришлось повесить на крючья у стены с печью, чтобы досушить.

Когда эта работа была закончена, Цю Хэнянь отправился в комнату Кузнеца Вана и достал из двух оставшихся ярко-красных сундуков несколько упаковок с пирожными, сухофруктами, два кувшина вина и дорожную сумку на вид ткань.

Цин Янь стоял рядом, наблюдая, и, сглотнув, спросил:

— Это зачем?

Цю Хэнянь взглянул на него и сказал:

— Завтра надо сходить к твоим родителям. Это подарки, которые следует взять с собой. Посмотри, всего ли хватает. Может, нужно что-то докупить? Если надо, я днем съезжу в город.

Цин Янь замер, лишь сейчас вспомнив о традиции возвращения домой на третий день после свадьбы. Его сердце тут же сжалось от тревоги, будто в нем дернулась болезненная струна.

Только он сам знал, что является самозванцем, перенесшимся сюда из другого мира.

В деревне Люси никто не знал прежнего владельца этого тела, а Цю Хэнянь и вовсе не виделся с ним до свадьбы. Поэтому, если Цин Янь будет осторожен и не станет привлекать лишнего внимания, никто ничего не заподозрит.

Но возвращение домой — это совсем другое дело. Семья прежнего хозяина тела хоть и обращалась с ним холодно, но все же видела, как он рос. Внешность, особенности, характер — все это должно быть знакомо до мельчайших деталей. Цин Янь посмотрел на себя: даже если он полностью совпадает с оригиналом по лицу и поведению, рост, телосложение и даже оттенок кожи заметно отличаются. Всего за два дня после свадьбы такие перемены объяснить невозможно.

Так что возвращение «домой» исключено.

Если он туда поедет, его могут разоблачить, и тогда все поймут, что он заменил настоящего Цин Яня. А это означает, что его, как злого духа, свяжут и сожгут на костре.

Цин Янь был охвачен паникой.

Он посмотрел на Цю Хэняня, который явно ожидал от него ответа, и сбивчиво пробормотал:

— Этого более чем достаточно. Не нужно ничего добавлять.

Цю Хэнянь, похоже, заметил его странное поведение, но, к счастью, не стал расспрашивать. Он лишь бросил на него несколько внимательных взглядов и сказал:

— Хорошо. Тогда я зайду к тете Ли, возьму у нее тележку. Завтра мы отвезем эти вещи на ней.

Цин Янь машинально кивнул и рассеянно направился к выходу.

— Цин Янь! — позвал его Цю Хэнянь.

Цин Янь, погруженный в свои мысли, не обратил внимания на то, что это был первый раз, когда его окликнули по имени. Он лишь обернулся, подчиняясь инстинкту. Цю Хэнянь шевельнул губами и сказал:

— После того как я возьму тележку, хочу заглянуть в книжную лавку в городе. Если ты хочешь что-то почитать, скажи.

Цин Янь, не настроенный обдумывать такие мелочи, ответил наспех:

— Что-нибудь интересное, любое.

Он тут же вышел за дверь, даже не заметив, как Цю Хэнянь нахмурился.

Однако вскоре он снова открыл дверь, вернулся и с ожиданием в глазах спросил:

— А можно мне поехать с тобой в город?

Цю Хэнянь немного помедлил, но мягко ответил:

— Хорошо.

Когда Цю Хэнянь вернулся с тележкой, Цин Янь уже успел переодеться в свежую одежду, поверх которых надел небесно-голубую куртку. Он был готов к выходу.

Цю Хэнянь окинул его внимательным взглядом и добавил ему пару теплых хлопковых рукавиц.

Цин Янь поспешно вышел вперед и первым открыл ворота во двор. За его спиной, через весь двор, Цю Хэнянь еще запирали дверь дома.

Как только Цин Янь открыл ворота, он вытянул шею, чтобы осмотреться снаружи, и восхищенно начал:

— Сегодня небо такое ясное и...

Но слова застряли у него в горле. Последнее слово — «холодное» — так и не смогло сорваться с его губ.

Невдалеке, у реки, спиной к ним стоял молодой человек. Он был худощавым, но не низким. На нем были легкие шелковые одежды, развевающиеся на ветру, совсем не подходящие для холодного утра.

Услышав голос Цин Яня, мужчина обернулся. Цин Янь успел заметить лишь половину его лица: тонко изогнутую бровь, которая тянулась к виску, и слегка приподнятый уголок лисьего разреза глаз.

Не досмотрев, Цин Янь захлопнул ворота с громким стуком.

Тут же чья-то рука легла ему на плечо, от чего он чуть не подпрыгнул от испуга.

Цю Хэнянь, нахмутив брови, повернул его к себе, заметив смертельную бледность его лица. Его нахмуренные брови стали еще глубже.

— Что с тобой? — спросил он.

Цин Янь был на грани слез.

Его глаза покраснели, слезы вот-вот готовы были сорваться. Губы дрожали, и он еле выдавил:

— Я... я... я вдруг передумал выходить.

Цю Хэнянь внимательно посмотрел на него и спросил:

— Почему? Что там снаружи?

С этими словами он сделал шаг к двери, собираясь открыть ее и проверить.

Цин Янь не мог допустить этого. Он схватил Цю Хэняня за руку, всем телом дрожа, и испуганно прошептал:

— Я боюсь чужих людей.

Цю Хэнянь нахмурился:

— Ты ведь не боишься тетю Ли.

Цин Янь судорожно кивнул:

— Она дала мне яйца.

Цю Хэнянь долго молча смотрел на него. Белое как мел лицо Цин Яня, покрытое холодным потом, выглядело слишком правдоподобно, чтобы это можно было счесть притворством. Вздохнув, он обнял его за плечи и сказал:

— Если не хочешь выходить, не выходи. Я отведу тебя обратно в дом.

Цин Янь только молча кивнул.

Когда он снова оказался на кровати, а Цю Хэнянь ушел налить ему воды, его сердце все еще бешено колотилось.

Образ мужчины в шелковых одеждах за воротами продолжал звучать в его голове, будто гравировка на камне: «Ян Хуай, богатый купец из уезда Люлинь».

Этот человек был не просто чужаком. Он был любовником прежнего владельца тела, их связь привела к трагедии. Цю Хэнянь был оклеветан и убит из-за их интриг. Более того, когда предыдущий владелец тела попытался шантажировать Ян Хуая, тот подло одурманил его снадобьем и живым закопал в землю.

Цин Янь всегда считал это трагедией прошлого, которая его, нового обитателя этого тела, никак не касается. Он не собирался предавать Цю Хэняня и уж тем более ввязываться в отношения с таким человеком.

Но теперь он не мог понять, что делает Ян Хуай у их ворот. По всем данным тот должен был оставаться в уезде Люлинь, далеко отсюда. Почему он приехал в эту забытую Богом деревню? Неужели события книги неизбежно идут своим чередом, и никакие усилия не способны изменить их ход?

Эта мысль была невыносимой. В голове у Цин Яня всплывали обрывки сюжетов, где беды, предназначенные прежнему хозяину тела, как-то умудрялись находить его.

Подумав о возможном повторе трагедии, Цин Янь почувствовал приступ тошноты. Он уже был в панике с самого утра из-за традиции возвращения в родной дом.

У него даже был план: отправиться с Цю Хэнянем в город за книгами, «случайно» потеряться, скрыться в горах на пару дней, а потом притвориться, что заблудился, чтобы избежать визита к родным. Но теперь он понял, что это был отчаянный и необдуманный план. В таких условиях, при морозах и дикой природе, он либо замерзнет насмерть, либо станет добычей хищников.

Цин Янь сжимал руками одеяло, осознавая всю безысходность своей ситуации.

Он так и не успел придумать, как справиться с ситуацией, как его накрыло еще большим потрясением: он внезапно слег с высокой температурой.

Цю Хэнянь обратился за помощью к тете Ли, попросив ее присмотреть за больным, а сам отправился за старым лекарем, жившим в соседней деревне. Преодолев несколько десятков ли, он привез доктора на тележке, тот осмотрел Цин Яня, прописал лекарство и настоял его на травах. После того как Цю Хэнянь дал больному выпить отвар, он снова отправился в путь, чтобы вернуть доктора домой.

Когда он вернулся, лекарство уже подействовало: жар у Цин Яня уменьшился, и тот спокойно спал.

Тетя Ли подозвала Цю Хэняня в наружную комнату для разговора. Она закрыла дверь, чтобы никто не подслушал, и шепотом сказала:

— У этого ребенка явно что-то на душе!

Цю Хэнянь молча кивнул, лицо его оставалось мрачным.

Тетя Ли всплеснула руками.

— Ты ведь заметил это, так почему не спросишь?

Цю Хэнянь отвернулся, демонстрируя бок лица, изуродованный шрамами, и уставился на золу

в уже потухшей печи.

— Если он захочет, он сам мне все расскажет.

Тетя Ли от досады чуть не хлопнула себя по бедрам.

— Да вы уже супруги! Ваши жизни теперь связаны одной веревкой, так что нельзя держать что-то в себе. Все нужно обсуждать!

Пальцы Цю Хэняня, лежавшие вдоль тела, слегка сжались.

Тетя Ли пристально посмотрела на него и осторожно спросила:

— Он... отталкивает тебя из-за твоего лица?

Цю Хэнянь покачал головой.

— Нет.

Тетя Ли вздохнула, видя, что он не хочет вдаваться в подробности.

Цю Хэнянь женился благодаря ее хлопотам. Он сам был равнодушен к этому вопросу, но она понимала: нельзя жить одному в холодном доме без человеческой поддержки. К тому же он был чужаком в этой деревне, без семьи, родителей или братьев. Она считала, что, женившись и заведя детей, он не будет так одинок.

Она долго уговаривала его пойти на этот шаг. Наконец, он согласился, и она начала искать подходящую пару через сваху.

Цю Хэнянь был кузнецом, имел мастерскую и стабильный доход, так что его положение считалось неплохим. Но его изуродованное лицо отпугивало многих. Тетя Ли искала среди девушек и геров на выданье, но никто не соглашался.

Семья Юй из городка была малоизвестной, она только знала, что это ученые люди. Когда сваха предложила этот брак, тетя Ли не особо надеялась на успех. Условия семьи Юй были откровенно несправедливыми: они потребовали отказаться от свадебного пира и церемонии встречи невесты. Но Цю Хэнянь заплатил много серебра, чтобы устроить этот союз, и тетя Ли решила, что, раз уж кто-то согласился, это стоит принять.

Она искренне хотела, чтобы их жизнь сложилась мирно и счастливо. Но, судя по настроению Цю Хэняня, им еще предстоит многое пережить.

Однако, когда тетя Ли ухаживала за Цин Янем, она случайно заметила на его белоснежной коже в районе талии слабый синеватый отпечаток руки. Как опытная женщина, она сразу поняла, откуда это могло взяться. Это открытие ее немного успокоило. Она подумала, что со временем, когда у пары появятся дети, отстраненность между ними исчезнет сама собой.

Цин Янь проспал до вечера. Проснувшись, он выпил чашку каши. Молодой организм оказался крепким — ему стало намного лучше.

Но уснуть снова он уже не мог. Цю Хэнянь достал из ящика под кроватью несколько книг и положил их рядом, предложив Цин Яню выбрать что-нибудь.

Цин Янь пролистал страницы, стараясь казаться заинтересованным, хотя, как он и ожидал, смог понять лишь половину написанных слов, а смысла уловил и того меньше. В книгах не было знаков препинания, и Цин Янь попросту не умел правильно разделять текст на предложения.

Он почувствовал острую обиду на свою ситуацию. Еще недавно он был выпускником университета, а теперь оказался в чужом мире, где едва ли мог читать. Все было незнакомо, опасности подстерегали на каждом шагу, а утром ему предстояло встретиться с семьей прежнего хозяина тела. Любая ошибка могла стоить ему жизни. И даже если он как-то выкрутится, впереди маячил тот самый Ян Хуай, который, по всем законам этого мира, станет причиной его гибели.

Грусть подступила к горлу, глаза наполнились слезами. Он отвернулся, чтобы Цю Хэнянь не заметил его слабости. Плакать, когда он был один, еще куда ни шло, но показать свои слезы другому мужчине — это казалось ему унижительным.

В этот момент теплая ладонь неожиданно коснулась его подбородка и мягко повернула его лицо обратно. Цин Янь инстинктивно посмотрел в сторону Цю Хэняня, но тот в это мгновение задувал свечу. В темноте исчезла не только изуродованная половина лица Цю Хэняня, но и стыд Цинь Яня.

Грубоватые, но бережные пальцы стерли слезы с его щек.

Цин Янь пытался сдержаться, но эта неожиданная мягкость растопила его. Вся накопившаяся обида, страх и одиночество вырвались наружу. В крошечной темноте, где никто не мог увидеть его заплаканное лицо, он подался вперед, обхватил шею Цю Хэняня и разрыдался в его объятиях.

Цю Хэнянь не сказал ни слова, но крепко держал его, позволяя выплакаться и выбросить весь накопившийся ужас. Мужчина одной рукой мягко обнимал Цин Яня за плечи, другой — гладил его по затылку. Но он не произнес ни слова утешения.

Шторы были задернуты, лунный свет не проникал в комнату. Теплое тело мужчины и его

большие, ласковые руки успокаивали. Цин Янь впервые за долгое время почувствовал себя в безопасности.

Спустя долгое время он наконец выплеснул свои эмоции и заплакал. Ему стало легче, и он, немного смущаясь, отстранился от мужчины.

Цю Хэнянь поднялся с кровати и в темноте нашел на стойке для умывания чистую ткань. Вернувшись, он, как ребенку, заботливо вытер лицо и руки Цин Яню.

В тишине ночи раздался его низкий, теплый голос:

— Среди этих книг есть «Записки о горах и реках». Довольно интересно. Хочешь посмотреть?

Цин Янь, все еще всхлипывая, тихо ответил:

— Я хочу, чтобы ты почитал.

Цю Хэнянь не стал отказывать. Он усадил его, прислонив к изголовью кровати, и взял одну из книг.

В печи все еще тлели угли, согревая комнату, и, зажегши лампу, Цю Хэнянь погрузился в чтение. Пламя мягко освещало половину его лица, не изуродованную шрамами, которая была поразительно красива.

Ночь была тихой и теплой. Цю Хэнянь сидел у кровати и медленно, четко читал книгу, страницу за страницей. Хотя комната была маленькой, описания горных хребтов и бескрайних равнин из книги раскрывали перед ними величественные и живописные пейзажи.

Цин Янь закрыл глаза, представляя себя путешественником по этим местам, как автор, измеряющим их просторы своими шагами. Постепенно его тело расслабилось, голос Цю Хэняня убаюкал его, и он уснул, уносясь в мир фантазий и покоя.